
Михаил Лидогостер

Одежда для пустоты

Рассказ

Орен проснулся от собственного крика.

Сел на кровати. Обвел комнату рассеянным взглядом. Вытер выступивший на лбу пот.

Сердце билось так часто, что казалось, еще немного и взорвется. Свет фар от проехавшей под окнами машины скользнул по стенам и выхватил из темноты армейскую фотографию в простой деревянной рамке.

На лицах сослуживцев защитная краска. В руках укороченные винтовки для ведения боя в городских условиях. Сам Орен сосредоточен. Показывает пальцем куда-то в сторону покрытых зеленью гор и смотрит на солдата с рацией за плечами.

Почувствовав его волнение, Майя тоже открыла глаза.

— Снова тот же сон?

Орен кивнул. Потянулся к тумбочке, где лежали таблетки, но случайно задел стакан с водой. Тот с шумом упал на пол и разбился. В детской заплакал ребенок.

Майя включила ночник. Поднялась с кровати.

— Ничего, — тихо сказала она. — Я укачаю.

— Хорошо, — согласился Орен.

Он откинул одеяло и начал собирать осколки.

Колыбельная Майи напомнила ему детство. Слова давно забылись, но мелодия, словно одинокая бабочка под холодным лучом осеннего солнца, все еще жила в голове.

Завернув осколки в газету, Орен вышел на балкон.

На старой, разохшейся от жары полке лежала пачка дешевых сигарет. Он закурил. Дым поднялся в небо и, превратившись на миг в дракона, растаял в подсвеченной софитами вышине. Внизу пульсировали огнями улицы большого города.

Это была Майина идея — сразу после свадьбы переехать в Тель-Авив. Орен понимал, здесь больше возможностей, но душой был привязан к северу. Ему, выросшему среди галилейской тиши, так и не удалось привыкнуть к духоте, загазованному воздуху и вечному шуму. Он надеялся, что когда-нибудь они переберутся в горы. Может быть, в Маалот или Цфат. Туда, где зимой выпадает снег, а в синих сумерках слышны крики перелетных птиц.

Михаил Лидогостер родился в 1978 году в Москве. Закончил факультет политологии ГАУГН, изучал связи с общественностью в РУДН. Работал корреспондентом и редактором в ряде известных СМИ. Некоторое время жил в Израиле, где успел послужить в армии и попробовать себя в разных областях деятельности. В середине 2000-х вернулся в Россию.

Через несколько минут Майя вернулась. Принесла покрывало. Накинула Орену на плечи.

— Ночи стали холодными.

— Да, спасибо. Как там малыш? Уснул?

— Да. Я подогрела молока, но он не захотел. Наверное, зубы.

Громыхая на ямах, по улице проехал грузовик. Орен затаился и подумал о том, как в таких условиях выживают жители нижних этажей.

— Ты ведь больше не поедешь туда? — Майя откинула длинные темные волосы и внимательно посмотрела на мужа.

Орен не ответил. Вдохнул и отвел взгляд в сторону.

Майя покачала головой.

— Ты даже не представляешь, — ее голос внезапно задрожал, — каково это — каждый раз снова выслушивать его родителей! Они опять будут звонить и просить, чтобы ты больше не приходил. Однажды я просто пошлю их к черту!

— Я не могу не поехать, — Орен затушил сигарету. — Ты ведь знаешь.

* * *

В поезде работал мощный кондиционер, и царящая снаружи жара казалась просто кадром из документального фильма.

Мальчишка, сидящий напротив Орена, вынул из рюкзака пакет чипсов и открыл бутылку колы. Его мама, аккуратная маленькая женщина, похожая на статуэтку из сандалового дерева, прислонилась к окну и дремала.

Поезд выехал на участок дороги, проложенной вдоль моря.

Орен подумал, что оправленные серебром опалы в кольцах его попутчицы светятся таким же сине-зеленым цветом, как набегающие на берег волны.

Через несколько минут машинист объявил остановку. Парящие над водой паруса виндсерферов скрылись из виду, а соседка Орена открыла глаза — цвета горчичного меда — и засобиралась. Она вытащила из-под сиденья сумку на колесиках и, подгоняя сына, направилась к раздвижным дверям. Мальчишка проворно запихнул в рот остатки чипсов, а недопитую колу взял с собой.

Орен проводил их взглядом. В этот момент в вагон зашел молодой раввин в загнутах к полу шляпе и выпущенной наружу рубашке. Огненно-рыжая борода и смеющиеся голубые глаза выделяли его из толпы. Проходя между рядами, он предлагал мужчинам исполнить заповедь «тфилин» и прочесть отрывок из «Шма». На вид ему было лет двадцать пять, может, чуть больше.

Когда он подошел достаточно близко, Орен смог уловить легкий американский акцент.

— Ты возлагал сегодня тфилин? — спросил раввин.

— Нет, — признался Орен.

— Тогда у тебя есть возможность сделать это прямо сейчас.

— Как-нибудь в другой раз.

— Это важная заповедь Торы.

— Да, но я не готов.

Раввин поправил шляпу и почесал затылок.

— Ладно, — он достал визитку и протянул ее Орену. — Вот мой номер. Позвони, если вдруг захочешь поговорить.

Орен взял карточку. На ней было написано «Рахмиэль Глуховски», а внизу шрифтом поменьше указаны адрес и телефон.

— Ты американец? — зачем-то спросил Орен.

— Нет, я из Аргентины.

Рахмиэль улыбнулся и двинулся дальше. Через минуту он уже объяснял что-то группе тель-авивских студентов и наматывал тфилин самому громкому из них.

* * *

За высоким каменным забором виднелась крыша большого двухэтажного дома. Орен подошел к кованым воротам и прислушался.

На лужайке царила тишина. Расставленные на террасе кресла и шезлонги пустовали. Лишь нагревшаяся на солнце ящерица лениво поглядывала на незваного гостя.

Сквозь закрытые окна не доносилось ни звука. Казалось, хозяева уехали и не показывались несколько дней. Какая-то часть Орена даже обрадовалась.

Тонкий голосок внутри зашептал: «Раз так, можешь спокойно уходить. Никто тебя не обвинит».

Усилием воли Орен заставил себя нажать на звонок.

Где-то внутри дома раздалась электрическая трель. Вслед за ней заливистый собачий лай. Орен удивленно повел бровями. В последний визит собаки не было.

Щелкнул электрический замок. Ворота медленно распахнулись, пропуская Орена на участок.

На пороге дома показалась средних лет женщина с распущенными каштановыми волосами. Длинный, весь в катышках, шерстяной кардиган укутывал ее, словно кокон.

Увидев Орена, она сузила желтые кошачьи глаза и изменилась в лице. Не удостоив гостя и словом, женщина вернулась в дом.

В открытую дверь тут же проскочил золотистый ретривер. Завилял хвостом. Подбежал к воротам.

— Привет, — сказал Орен. — Дуду дома?

Пес гавкнул и склонил голову набок, будто хотел получше расслышать вопрос.

Вслед за женщиной к дверям подошел ее муж, похожий на высушенную ветку. Такой же серый и безжизненный.

Мужчина взглянул на Орена и глубоко вздохнул:

— Только недолго.

Орен прошел внутрь. Ретривер последовал за ним.

— Спасибо. Сегодня...

— Я помню, — прервал его хозяин. — Тебе не обязательно постоянно говорить об этом. Раз уж ты здесь, значит, так и есть.

Орен поравнялся с мужчиной и протянул ему руку. Тот крепко пожал ее в ответ.

— Он за домом.

* * *

В тени кипарисов, растущих на заднем дворе, стоял маленький деревянный стол. На его потрескавшейся поверхности выстроились ровные ряды белых фигурок-оригами. Кого среди них только не было: люди, животные, птицы, летающие и ползающие насекомые, даже грифоны и единороги.

За столом сидел мужчина с тронутыми серебром висками. Он был настолько увлечен складыванием новой фигурки, что не заметил, как Орен подошел. Только когда ретривер подбежал к столу и громко гавкнул, тот отвлекся и поднял на гостя удивленный взгляд.

— Привет, Дуду! — сказал Орен.

— Привет, — ответил мужчина и поставил на стол фигурку богомола.

— Смотрю, ты стал настоящим мастером.

— Да?! Ты думаешь?

— И думать нечего. Говорю тебе!

— Хм, спасибо.

Дуду улыбнулся и изучающе посмотрел на Орена.

— Ты из службы социальной защиты?

— Нет. Я твой армейский друг.

— Ты, должно быть, ошибся, — Дуду развел руками. — Я никогда не был в армии.

Орен вытащил из рюкзака шуршащий бумажный пакет и поставил его перед собеседником.

— Я принес тебе «миринду» и бурекасы с грибами.

— О, это мои любимые.

— Я знаю, — сказал Орен и присел на свободный стул.

— Откуда?

— Несложно запомнить за несколько лет службы.

— Не хочу тебя обижать, — ответил Дуду, — но ты точно меня с кем-то путаешь.

— Каждый год одно и то же, — вздохнул Орен.

— Каждый год?

— Твоим родителям не нравится, что прихожу сюда, — сказал Орен. — Они считают, это плохо отражается на твоём состоянии. Поэтому мы видимся только раз в году. В день памяти наших друзей.

Дуду пожал плечами.

— Послушай, я сочувствую. Но я даже не знаю, как держать оружие.

— Да уж, стрелок из тебя тот еще.

Орен замолчал и подумал: а что если его собеседник прав? И это не Дуду сошел с ума и потерял память, а он сам? Что, если сидящий перед ним человек — это лишь оболочка, а настоящий Дуду навсегда остался *там*? С теми, кто не вернулся. А после того, как его душа отлетела, в этой оболочке поселился кто-то другой. Тот, кто действительно никогда не был на войне.

Эта мысль настолько испугала Орена, что несмотря на жаркий день, он побледнел. По коже пробежали мурашки.

— Ты был связистом. Шифровальщиком.

— Шифровальщиком? — по лицу Дуду скользнула тень.

С гор налетел легкий ветер и смел со стола несколько бумажных фигурок. Ретривер проводил их взглядом и положил голову на колени Дуду.

— Откуда у тебя пес? — спросил Орен.

— Он просто появился здесь несколько дней назад. Наверное, потерял хозяев и решил остаться у нас. А может, его бросили. Кто знает? — Дуду запрокинул голову и посмотрел на летящий по небу самолет. — Мы расклеили объявления, но никто так и не позвонил.

Орен помолчал и окинул взглядом поверхность стола.

— Почему оригами? Что ты в этом нашёл?

Дуду не ответил. Молча взял со стола богомола и в несколько ловких движений сделал из него журавля.

— Держи!

Орен улыбнулся и принял подарок.

— Спасибо.

— Мне нравится, что из любой фигурки можно сделать что-то новое. Абсолютно непохожее на то, что было «до». Неизменным остается только лист бумаги, а формы меняют друг друга, как одежды.

— Одежды для кого? — удивился Орен.

— Не знаю, — Дуду пожал плечами. — Может, для пустоты?

* * *

На старый Яффо тихо опустился вечер. Огненно-красное солнце закатилось за горизонт и утонуло в темных водах Средиземного моря. В ультрамариновом небе взошли первые звезды. На набережной зажглись фонари.

В маленьком прибрежном ресторанчике стоял шум-гам. Свободных мест почти

не осталось. Жители, уставшие от рабочего дня, оккупировали все, даже самые неудобные столики. В открытые окна дул легкий бриз, принося с собой ощущение чистоты и чуть слышный запах водорослей.

На праздничном столе, за которым собрались родственники и друзья Майи, стояли свежие цветы. Горели свечи.

— Мазл тов, дорогая, — сказал отец именинницы и поднял пузатый стакан с виски. — Будь счастлива и радуйся каждому новому дню! Желаю, чтобы в твоём доме всегда звучал детский смех, а тучи обходили его стороной. Но если какая-нибудь все же набезит, пусть она принесет с собой лишь приятную прохладу и никогда не закрывает солнце!

— Лехаим, лехаим! — хором ответили гости.

— Спасибо, папа, — Майя сделала большой глоток вина. — Это замечательный тост! Надеюсь, все так и будет.

Она повернулась к Орену и шепнула ему на ухо:

— Вот что значит двадцать лет в журналистике.

— Цви, когда ты, наконец, напишешь роман? — Орен обвел гостей рукой. — Все уже устали ждать!

— Это точно, — подтвердила теща. — Дорогой, пора тебе всерьез браться за перо.

— Ну-у, — тесть повел плечом и отправил в рот кусок запеченной рыбы, — есть у меня пара задумок, но пока только на уровне идей. Не уверен, что кому-то они будут интересны.

— Ты недооцениваешь себя, — сказал Майин старший брат Идо, высокий крепкий парень с глазами цвета черного янтаря. — Я помню тот рассказ про Хагану. Он ничего.

— Ничего? — вскинулась Нурит, яркая шатенка, сидящая рядом с ним. — Помоему, очень сильная вещь!

Майя благодарно посмотрела на девушку.

— Ну а я что сказал?! — Идо растеряно пожал плечами.

— Ты сказал: «ничего».

— Эта определенно нравится мне больше, чем та, что была до, — шепнула Майя.

Орен хмыкнул и согласно кивнул.

— Милая, я хочу сказать тост за твою семью, — Шира, школьная подруга Майи, постучала вилкой по бокалу, призывая всех к вниманию. — Вы с Оренком прекрасная пара. Держитесь друг друга. Пусть чувства, которые вас связывают, крепнут день ото дня!

— Спасибо, Шира, — Майя широко улыбнулась. — Будем работать над этим.

Орен осушил свой бокал и утащил со стола пару оливок.

— Кто-то обещал, что сам поведет машину, — сказала Майя, вопросительно глядя на мужа.

— Закажем такси.

Орен откинулся на спинку стула и сделал знак официанту у барной стойки. Тот подмигнул, и в ту же секунду в ресторанчике потух свет.

Через мгновение из комнаты для персонала вышел директор ресторана. Он нес большой поднос с тортом, уставленным горящими свечами. Гости хором запели «С днем рождения, Майя».

Сидящие поблизости посетители заулыбались.

Майя всплеснула руками и восхищенно посмотрела на Орена.

— Поздравляю, дорогая! — сказал он. — Хватит сил задуть с первого раза?

— Попробую. Если что, поможешь.

Майя набрала полные легкие воздуха и с силой подула на свечи. Помогать ей не пришлось.

Вечер пролетел незаметно. Несмотря на то что утром всем предстояло рано вставать, гости разошлись только к ночи.

Пока официант резал оставшийся торт и аккуратно раскладывал его по контейнерам (чтобы каждый мог взять с собой по куску), Орен пил крепкий кофе и думал о том, что уже давно не видел жену такой раскованной и счастливой.

Уходя, Цви похлопал его по плечу:

— Молодец, сынок. Мы очень рады за вас.

— В выходные ждем на гриль, — сказала теща. — Цви купил какую-то новую жаровню, и ему не терпится накормить всех своими фирменными стейками.

— Вовсе не обязательно раскрывать всем мои секреты, — буркнул Цви.

С улицы донесся сигнал подъехавшего такси. Родители Майи поспешили к выходу.

— Спасибо за чудесный вечер, — сказала Майя, когда за столом не осталось никого, кроме нее и Орена. — Давно мы так не сидели.

На столе завибрировал мобильный телефон.

— О, это наш, — она приняла вызов и попросила таксиста подъехать к входу.

* * *

Обходительный пожилой водитель вез их по узким улочкам старого города. Мимо проносились дома и парки, яркие вывески магазинов, шумные и многолюдные площади. В колонках чуть слышно играла какая-то ретро волна, вызывая в памяти кадры из старых черно-белых фильмов.

Несмотря на поздний час, людей в центре меньше не стало. Спешащих по делам менеджеров сменили празднующая молодежь, богема и люди творческих профессий.

Устав разглядывать огни ночного города, Майя задремала. Орен обнял ее и подумал, что если в этот час посмотреть на город с высоты птичьего полета, он, наверное, будет похож на огромную микросхему.

На очередном перекрестке радио эфир наполнился помехами. Загорелся красный, и такси остановилось у светофора.

— Что за черт?! — возмутился водитель.

Он попробовал переключить приемник на другую волну, но и там, вместо песни, слышалось лишь шипение.

Несколько подростков перебежали дорогу. Прошла минута. Может, и больше, а зеленый все не включался.

Орен зевнул и потер глаза. От скуки он огляделся по сторонам и увидел, как на перекресток выехал большой грузовик.

Мощный свет фар скользнул по придорожным кустам, словно прожектор. На мгновение Орену показалось, будто на обочине сидит *тот самый* золотистый ретривер.

Наконец, включился зеленый. Водитель облегченно вздохнул и тронулся с места.

Орен обернулся, пытаясь понять, не привиделось ли ему, но тьма надежно укрыла придорожную насыпь. И он не увидел ничего, кроме дорожного знака, тающего в заднем стекле автомобиля.

* * *

— Все в порядке? — Майя взяла Орена под руку и уткнулась подбородком ему в плечо. — О чем задумался?

— Все отлично, — Орен нажал на кнопку нужного этажа, и лифт понес их вверх. — Просто немного устал.

Зайдя в квартиру, Майя расспросила няню, как прошел вечер, не плакал ли ребенок, что ел. Та подробно ответила на вопросы, взяла деньги и тихо закрыла за собой дверь.

Майя чмокнула Орена в нос и зашла в ванную.

— Я быстро.

— О'кей. Сварю пока кофе.

— Няня сказала, что в холодильнике осталась лазанья, — сказала она из-за двери. — Разогрей, если хочешь.

— Нет, с меня на сегодня хватит.

Орен прошел на кухню. Взял турку. Покрутил ее в руках и вернул обратно на место.

Из ванной донесся шум льющейся воды.

— Да к черту. — Орен достал из шкафчика початую бутылку бурбона и плеснул немного на дно низкого тяжелого бокала. Не раздумывая, залпом опрокинул в себя.

По телу мгновенно разлилось приятное тепло. Картинка с сидящем на обочине ретривером задрожала и истончилась.

«Наверняка просто показалось», — подумал Орен и налил еще.

Прихватив с собой бокал, он прошел в спальню и сел в кресло.

Мягкий свет ночника бросал на стены причудливые тени. Словно чьи-то изломанные руки тянулись к окну, за которым горел полный диск луны. Под армейской фотографией стояла одинокая фигурка бумажного журавля.

Орен отпил из бокала. Мысли унесли его в прошлое. В тот жаркий летний день, когда он выносил Дуду из зоны обстрела. Все остальные навсегда остались лежать *там*. У подножия зеленых ливанских гор. Их тела, вернее то, что от них осталось, так и не вернули родным, несмотря на долгие переговоры и все усилия разведки.

Майя открыла дверь и вышла из ванной. Неровное пятно света легло на пол. Орен видел, как жена, напевая под нос какую-то мелодию, подошла к зеркалу, взяла расческу. Полностью привести волосы в порядок она не успела — раздался телефонный звонок.

Орен прислушался. Дурное предчувствие накатило, словно приступ тошноты, и застряло комом где-то посередине горла. Из коридора донеслись обрывки слов, но в глубине души Орен уже *знал*, и от этого осознания все его тело сковало холодом.

Закончив говорить, Майя положила трубку и какое-то время не трогалась с места. Потом медленно повернулась и посмотрела на мужа. Слов не понадобилось. Все и так читалось в ее глазах. Она прошла в комнату и села на кровать.

— Дуду...

Это прозвучало так тихо, будто она боялась спугнуть выходящих возле светильника мотыльков.

* * *

— Когда человек хочет кричать и молчит, — это и есть настоящий крик, — сказал Рахмиэль и взглянул на раскинувшееся до горизонта море.

Орен глубоко затаился и стряхнул пепел.

— Кто это сказал?

— Один цадик.

— Похоже, понимал, о чем говорит.

Рахмиэль согласно кивнул.

По прибрежному шоссе проехал школьный автобус. Молодой раввин улыбнулся и помахал детям, прильнувшим к окну. В ответ те начали строить смешные рожи и показывать язык. Когда автобус скрылся из виду, Рахмиэль снял шляпу и положил ее на скамейку.

— Не думал, что еще увижу тебя.

Орен выпустил в воздух облако дыма.

— И я не думал, что позвоню.

— Ты так и не рассказал, чем закончилось.

— Да, — согласился Орен. — В то утро мы зашли глубоко в тыл и попали под обстрел. Радист, как и я, видел смерть всего отряда. В штабе потом объяснили, что Дуду не перенастроил рацию. Из-за этого мы и пропустили все предупреждения. Не знаю, понимал ли это Дуду перед тем, как словить пулю. Как бы там ни было, когда он наконец открыл глаза... это уже был не он. Диагноз я так и не запомнил. У мозгоправов, конечно, на все свое объяснение, но я думаю, он просто не смог простить себя.

По безлюдному побережью медленно проехал желтый трактор, который собирал разбросанный на пляже мусор. Купальный сезон подошел к концу, поэтому, по сравнению с жаркими летними днями, работы у водителя значительно поубавилось.

Рахмиэль молчал. То ли подбирал слова, то ли ждал, когда Орен выговорится. В высоком бирюзовом небе светило солнце. Его яркие лучи тонули в перистых облаках и окрашивали их в насыщенный сливочный цвет.

— Дуду сказал родителям, что пойдет в киоск, — продолжил Орен, — купить корм собаке. А на самом деле отправился на скоростную трассу. — Орен затушил сигарету. — По словам водителя грузовика, все произошло так внезапно, что он даже не успел нажать на тормоза.

Рахмиэль замолчал.

— Так ты был на похоронах? — спросил он после небольшой паузы.

— Приехал только после того, как все разошлись.

— Ясно.

Орен потер виски.

— Думаю, Дуду сделал это специально.

Раввин несогласно мотнул головой.

— Наверняка ты знать не можешь.

Орен сделал вид, что пропустил эти слова мимо ушей. Сунул руку в рюкзак. Достал бумажного журавля.

— Это тебе, — он передал раввину фигурку и поспешно поднялся со скамейки. — Спасибо, что нашел время.

— Постой, — остановил его Рахмиэль. — Может, поучимся как-нибудь?

Орен посмотрел на волны, накатывающие на огромные прибрежные камни, и спросил:

— А у того цадика, про которого ты говорил, много книг?

— У того ни одной.

— Почему?

— Такой уж был человек. Уничтожал свои записи. Утром пытался вместить все знания в одну страницу, а вечером понимал, что это невозможно.

Орен улыбнулся.

— Дуду бы он понравился.